

≈ 26 мин

Выработка и практический «обкат» революционных стратегий — процесс *диалектический*. Классовый враг, столкнувшись с новыми, неизвестными ему организационными формами классовой борьбы, приспосабливается к ним, извлекает для себя уроки и совершенствует свой арсенал противодействия революционной борьбе и классовым конфликтам. То же самое делают и революционеры, но не всегда им сопутствует успех. На несколько удачных стратегических решений приходится дюжина провалов и неудач, в процессе которых тупиковые и неэффективные решения *отбраковываются*. Когда европейских левацких террористов 1970-80-х годов обвиняют в наивности, экзальтированности, «телемечтательстве», отступлении от ленинских принципов и т. д., то зачастую такие высказывания проистекают из плохой информированности говорящего.

Каждая форма борьбы имеет свои истоки, свою логику, свои движущие силы, свою социальную базу, свои перспективы и свои ограничения. Как мы уже говорили в прошлом материале, историю «Красных бригад» и других вооружённых коммунистических групп Италии «свинцовых семидесятых» невозможно понять без попоранного наследия Сопротивления, банкротства официальной Компартии, неудач стачечной, профсоюзной и забастовочной борьбы, международной обстановки и реальной угрозы военно-фашистского реванша. В 1960-70-х годах в Италии большим влиянием пользовались неофашистские организации и реваншистские настроения. В парламенте заседало возникшее сразу после войны «Итальянское социальное движение» (ИСД) — неофашистская политическая партия, продемонстрировавшая успех на выборах в 1971 году. В пике относительно умеренному ИСД, в 1960-е годы

поднимали голову ультраправые радикалы, недовольные политической стратегией своих старших «респектабельных» коллег. Процветали организации с названиями в духе «Новый порядок», «Чёрный порядок», «Революционный авангард», «Вооружённые революционные ячейки» (не имеющие, разумеется, никакого отношения к подлинной революции, но умело использовавшие революционную риторику для своей пропаганды). Следует сказать, что итальянские фашисты были в гораздо более выигрышном положении, чем западногерманские, в силу самой природы итальянского фашизма, в значительно меньшей степени запятнавшего себя террором и репрессиями, чем германский нацизм. В мирное время (1927-43 годы, начиная с года создания Особого трибунала) фашизм приговорил к смерти 9 человек, и ещё 4587 — к различным срокам тюремного заключения. Эти цифры не идут ни в какое сравнение с жертвами нацистов. Поэтому неудивительно, что в Италии неофашистские движения получили благодатную почву и возможности для роста. Почти все квесторы, префекты, мэры имели фашистское прошлое!

Разочаровавшись в бездеятельности ИСД, предпочитавшего политические решения, неофашисты нового поколения в 1969 году запустили волну бомбового террора. В 1969-73 годах на совести ультраправых было 95 % терактов, в 1974 — 85 %, в 1975 — 78 . Хотя количество терактов, как следует из приведённых цифр, медленно шло на убыль, размах «чёрного террора» фашистских организаций всё равно поражает. История не знает сослагательного наклонения, но кто знает, что было бы, если бы леворадикалы так активно, решительно и жестоко не подключились к борьбе с действующими заодно фашизмом, полицией и государством? Большинство итальянцев вряд ли это понимало тогда, вряд ли это понимает и сейчас. Многие журналисты склонны

сваливать неофашистов и вооружённых коммунистов в одну кучу. Но у каждого насилия есть свои объективные причины, у чёрного и красного террора были разные задачи. Левые практиковали избирательный террор, тщательно выбирая своих жертв из числа важных агентов государства, крупных собственников или неофашистских организаций. Неофашистам же было плевать: они, конечно, охотились за леваками, но легче всего было посеять напряжение, взрывая кого угодно и где угодно.

Бездействие полиции тоже усиливало конспирологические настроения среди леваков, уверенных в существовании заговора против республики. 171 человек был убит полицией в ходе разгона забастовок и манифестаций за 1945-69 годы. Самое же забавное, что это именно тот редкий случай, когда конспирологические страхи имели реальную почву. Неофашисты, сотрудничая со спецслужбами, полицией и американской разведкой, в рамках антикоммунистического плана «Гладио» проводили в жизнь печально известную *«стратегию напряжённости»*. Жертвами неофашистских бомб мог оказаться каждый: случайный прохожий, пассажир, рабочий, служащий, полицейский. Перечислять все фашистские теракты в хронологическом порядке — нелёгкое дело. 17 человек погибло в 1969 году во время взрыва в Болонье, в 1970 году восемь человек стали жертвами подорванного поезда. Взрыв экспресса «Италикус» унёс жизни 12 человек, ещё 44 было ранено. Апофеозом стал взрыв вокзала в Болонье в 1980 году, погубивший 85 человек и ранивший более 200. Для сравнения: за плечами «Красных бригад» за всю историю их деятельности лишь 86 убийств. Конечной целью стратегии ультраправых был военно-фашистский переворот для установления режима, подобно греческому или португальскому. Ни один из терактов не был расследован должным

образом. Полиция традиционно обвиняла анархистов. Кроме того, левые преследовались гораздо более дотошно и строго. За этот период 20 000 левых активистов, включая радикалов, было задержано и допрошено, порядка 6000 оказалось в тюрьме. В то же время из 43 000 прошедших по делу о сотрудничестве с фашистами 23 000 были отпущены ещё на начальной стадии следствия, 14 000 освобождены под другими предлогами. К 1952 в тюрьмах сидело лишь 266 человек.

В прошлом материале мы коснулись причин, по которым ведущие левые партии (КПИ и СПИ) не смогли возглавить волну студенческого и рабочего протеста конца 1960-х годов. Легальность этих организаций сковывала их деятельность, связывая по рукам и ногам буржуазной законностью. Отбракованы были стратегии и других, «неортодоксальных», коммунистических групп — марксистско-ленинских, троцкистских, маоистских, анархистских и др. кружков и обществ. Обращение к вооружённой борьбе было реакцией на *исчерпанные возможности* всех прежних форм борьбы. В интервью, которое незадолго до своей смерти дал один из лидеров бригадистов Просперо Галлилари, он признаёт, что вооружённая борьба была *сознательным* выбором революционеров, осознававших её последствия и ответственность за свои действия. Переход к вооружённой борьбе не был вынужденной мерой (легко представить себя «жертвой обстоятельств»), не был он и волюнтаристским ходом, поскольку имел свою глубокую логику. В одном из первых сборников тезисов «Городского политического коллектива» заявляется, что *«революционное насилие — не субъективный факт, не вопрос морали: оно подготовлено ситуацией, которая уже сама по себе, структурно и надстроечно, является насилием»* (Р. 70). Все прежние способы и формы борьбы были

исчерпаны и привели либо к поражению, либо к арестам и гибели активистов. Мы также уже упоминали об условиях, в которых существовали и действовали будущие бойцы подполья. Но вооружённая борьба — лишь метод, инструмент достижения определённой политической цели.

История «Красных бригад» восходит к 1969 году. «Городской политический коллектив» (ГПК), созданный в Милане из «рабочих групп» миланских заводов (SIT-Siemens, Pirelli, IBM), среди которых, в частности, выделялся «куб» (итал. акроним от «объединённого базового комитета») из «Pirelli», и членов «Аппартаменто» в Реджо. В «рабочие коллективы» на предприятиях входили, главным образом, рабочие и технические специалисты. Коллектив ГПК был создан при деятельном участии двух студентов социологического факультета университета Тренто — Ренато Курчо и Маргериты (Мары) Кагол. В университете Тренто, тем временем, пытались дать характеристику происходящему в итальянской экономике. Леворадикальные студенты понимали, что «экономическое чудо» изменило структуру и направленность классовых конфликтов в Италии. Индустриальный бум и развитие научно-технической сферы привели капитализм к «зрелой фазе», в которой ещё предстояло нащупать эффективные формы борьбы. Было решено действовать в ключевых узлах, самых сильных и, парадоксальным образом, в то же время и уязвимых звеньях капиталистической системы — в городах. А точнее — в промышленно развитых городах Севера. Именно там можно было встретить квинтэссенцию общественных противоречий. К концу лета Курчо и Кагол перебрались из Тренто в Милан, налаживая связи с «кубом» «Pirelli». ГПК впоследствии неоднократно менял своё название.

Соответственно своим замыслам они начали работу на миланских фабриках, используя как опорные пункты уже созданные там кружки. Среди форм борьбы будущих бригадистов — пропаганда отказа платить за проездные билеты (многие рабочие добирались до городских фабрик на транспорте, порой из горных мест), «*вернём себе город!*» (не путать с лозунгами московских акционистов) — призыв к самозахвату жилых помещений. В те годы левые отчаянно спорили по поводу роли насилия в революционной борьбе. Сторонники «традиционной» линии признавали её необходимость, но полагали её подчинённой стратегической линии классовой борьбы масс. Сторонники второй линии выступали за наступательную стратегию по ведению насильственной революционной борьбы. Они быстро завоевали популярность среди левых радикалов. В это время, придя к консенсусу относительно необходимости вооружённой борьбы, различные организации спорили о стратегии и тактике. Определённая часть леворадикалов, в первую очередь, «Пролетарская левая» во главе с Коррадо Симиони, выступала за создание тайной, подпольной вооружённой организации. Симиони настаивал на создании «логистической структуры», в то время, как другая часть радикалов предлагала оставаться в русле текущей рабочей борьбы, организуя существующие фабричные кружки в полуподпольные организмы. Иными словами, речь шла о всё той же стратегии вооружённой борьбы и вооружённой пропаганды, только «изнутри» рабочего движения.

Между радикалами произошёл раскол. «Аппартаменто» расколосось буквально напополам. Логика событий приводит к тому, что рождается патологический феномен «Суперклана». Это акроним от «*superclandestini*» — «сверхсекретных», группы законспирированных подпольщиков, тяготевших к Симиони. Вокруг

«Суперклана» любили и по сей день любят спекулировать конспирологи и журналисты, приписывая ему масштабы некой зловещей международной коммунистической организации, эдакой красной «Аль-Каиды». Он какое-то время действительно существовал на базе кадров «Пролетарской левой», но никакого решающего значения в стратегии революционной борьбы, как кажется, не сыграл. Решительный разрыв с массовой политикой и увлечение «шпионскими играми» грозит гибелью любому радикальному движению. Впрочем, начиная с 1970 года, игра в подполье захватила практически все секции будущих бригадистов. Доходило до смешного: Галлилари не без смеха вспоминает, как молодые люди, некогда примелькавшиеся в провинции небритостью, длинными волосами, джинсами и «эскимо», стали бриться и прилично одеваться. То же касалось и женщин.

К январю 1971 года начали вырисовываться очертания «Красных бригад». Они формировались в тесном взаимодействии с «Потере Операйо», к концу 1971 года, к моменту проведения национальной конференции в Риме, располагавшей примерно 1000 активистов, 57 секциями и 108 ячейками. Свою деятельность продолжали и члены «Аппартаменто». Примкнув к ГПК, они перебирались в крупные северные города, как правило, в Милан, где меняли образ жизни и начинали вести агитационную работу, поступая работать на заводы или записываясь в университеты. Практически два года (до осени 1971 года) продолжались подпольные подготовительные работы. Это напоминало «хождение в народ». Просперо Галлилари отправился работать на «Альфа Ромео». Многие переживали психологические проблемы: вынужденные разрывы родственных и дружественных связей, малознакомое и непривычное окружение. Кроме того, перед ними стояла сверхзадача — инфильтрироваться в

самые недра буржуазного общества. В такой работе, сродни шпионскому ремеслу, цель оправдывает любые средства, но кажется, что это не представляло для начинающих революционеров непреодолимых преград. Вставал вопрос об оружии: где его взять? Для штурма армейских складов новички были явно не готовы. Но оружие носит полиция... Уже на этом этапе движение стало замыкаться на себе, перерождаясь в сектантскую структуру.

Моретти отмечает, что на определённом этапе кадры бригад начинают стабильно воспроизводить себя за счёт налаженной инфраструктуры, но сама организация перестаёт расти. Фабричные ячейки «Красных бригад», хотя и были влиятельными в политическом смысле, всё же численно оставались крошечными образованиями и слабо влияли на ход классовой борьбы рабочих. На крупнейшем заводе «ФИАТ» в «представительствах» КБ на пике расцвета их деятельности находилось немногим больше десятка лиц. Они начинали осознавать, что, желая стать авангардом классовой борьбы, мобилиующим массы, они всего лишь были её наименее многочисленной и наиболее радикальной частью.

Были ли они вооружённой политической партией? Скорее всего, нет. «Красные бригады», «Первая линия» и «Вооружённые пролетарии за коммунизм» строились по иному принципу. Они выросли из «группусколи» (уменьшительное от *gruppi* — «группы»), то есть микроскопических политических кружков и «учебных групп», среди которых основными называют «Лотта Континуа» («Борьба продолжается») и «Потере Операйо» («Рабочая власть»). Кстати, в последней ведущим теоретиком был небезызвестный современным левым Антонио Негри. Среди прочих выделялись «Авангардия Операйа» («Рабочий

авангард»), «Иль Манифесто». Существовали и более мелкие кружки. Все они верили в действенность революционного насилия, вооружённой борьбы и отказывались от классических марксистско-ленинских принципов партийного строительства, полагая, что в противовес бюрократизму «ленинского авангарда» инициатива должна была принадлежать самим рабочим. Сами же они видели себя лишь в гуще, эпицентре классовой борьбы, следуя её логике и революционизируя её. Мы остановились на многих «мифах», в которых росли бригадисты — Вьетнам, Китай, Че. Но был ещё один популярный миф — миф о «рабочем классе». Революционном, монолитном, неспровергающим капитализм. Вообще, в разное время в левой среде были популярны настроения, которые с известной натяжкой можно назвать «рабочизмом» (не путать с «операизмом»). Под разными предлогами идеализировались рабочие, их формы борьбы и протеста, притом, что как будто бы забывалось, что целью революции был отнюдь не триумф рабочего класса, а построение бесклассового общества, где рабочие как эксплуатируемый класс попросту исчезнут.

События «горячей осени» 1969 года были тяжёлым потрясением для итальянского капитализма. Ячейки левых на предприятиях радикализировали основную массу и без того политизированных работников. Месяцы стачек и забастовок дали свои всходы. Были перезаключены трудовые договоры. Рабочие получили повышение заработной платы (до 21 %), более гибкие условия оплаты труда, сокращение рабочей недели. В 1970 году выпущен «рабочий статут», защищавший право профсоюзов на автономию для своей активности. Но этого, как оказалось, было мало. Рабочие в течение следующих лет продолжали саботировать работу предприятий, запугивать администрацию и собственников, задерживать выпуск продукции... Рабочий класс рос численно, особенно в

промышленном треугольнике Милана-Генуи-Турина. Многие в поисках работы мигрировали из аграрного юга.

Позднее многие левые активисты признавались, что ставка на имманентную революционность рабочего класса была их серьёзной ошибкой. «Потере Операйо» ориентировались на «рабочую автономию», самостоятельное (т. е. независимое от КПИ и профсоюзов) революционное действие рабочего класса. Только они вряд ли понимали (этого многие не понимают и сейчас), что классовая борьба в её экономической форме, взятая сама по себе, не несёт *никакого* революционного содержания. Она объективна и может спокойно протекать и без коммунистических идей и деятельного участия коммунистических агентов.

Соответственно, в своих планах бригадисты преувеличивали революционность сознания «масс», ошибочно смешивая в кучу студенческое и рабочее движения, у которых были разная динамика, социальная база и задачи. Бригадисты (по крайней мере, некоторые из них) правильно полагали, что ни одну революцию нельзя повторить по единожды опробованному сценарию. Хотя внешне они и напоминали уругвайских «тупамарос», сознательно они не стремились слепо копировать чей-то опыт. Они понимали, что профсоюзная и забастовочная борьба — борьба *оборонительная*. Они же стремились нащупать пружины *наступательной* борьбы.

Они смутно ощущали, что ни на доступные им теории, ни на доступные и некогда опробованные методы борьбы полагаться было уже нельзя. Им точно не импонировал опыт СССР и оглядывающейся на него КПИ. Конечно, они, в какой-

то мере, были очарованы китайской «культурной революцией», в их ушах приятно отзывался лозунг «огня по штабам», но бригадисты всё-таки знали, что между промышленной Италией и аграрным Китаем была пропасть. Они не желали абстрактной борьбы с абстрактным капиталом. Они желали революционизировать классовое движение, формы классовой борьбы, довести их до голого, непримиримого антагонизма, до фазы настоящей гражданской войны. Опробованная ими тактика заключалась в *вооружённой пропаганде*. Из этого следовало, что в долгосрочной перспективе у них не было какого-либо ясного стратегического плана — они ставили перед собой немедленные ответы на текущие задачи. Моретти признается, что в начале деятельности БР у его членов не было ничего похожего на стратегический план. По сравнению с прочими догматиками это было их силой, но было и их слабостью. В прошлом материале мы на примере «сендеристов» из Перу убедились, чего стоит долгосрочная стратегия без продуманной тактики действий. Но в случае бригадистов дела обстояли несколько иначе. Они просто не смогли представить, что капитал и государство смогут приспособиться, перегруппироваться и перейти в контрнаступление. Классовый враг выбил у них почву из-под ног, оказавшись более гибким и чутким к переменам. Не имели бригадисты и близкие им группы представления об обществе, которое было целью их борьбы. Серджо Седжо, лидер «Прямой линии», видел в коммунизме не более, чем «свободное» и «счастливое» общество. Они действовали, исходя из ситуации, вырабатывая сиюминутные краткосрочные планы, но стратегического видения своей борьбы им остро не хватало.

Их стратегия была рассчитана на несколько фаз и видоизменялась по мере роста централизации движения, ускорившейся после ареста или гибели почти

всех «исторических лидеров» бригад. Фаза «против фабрики» началась уже в 1970-71 годах и была направлена на дестабилизацию ситуации на крупных промышленных предприятиях Севера — SIT-Siemens, Pirelli, IBM (Милан). Она заключалась в распространении листовок, мелких актах саботажа и похищениях представителей фабричного руководства для проведения т. н. «пролетарских процессов»: Идальго Маккьярини из SIT-Siemens (3 марта 1972), Этторе Америо (10 декабря 1973) и др. Все похищенные были отпущены спустя короткое время без выдвижения каких-либо требований. Это были символические акции запугивания фабричного руководства, которые, правда, не имели такого успеха, на который рассчитывали бригадисты. По мере укрепления движения и разочарования в заводской борьбе, не приносившей ощутимых результатов, бригадисты всё чаще задумывались о прямой атаке на военно-бюрократический аппарат буржуазного государства.

Фаза «против государства» была запущена спустя четыре года. После похищения генуэзского судьи Марио Сосси в листовках КБ было написано, что эта акция стала «первой национальной операцией» и знаменовала собой переход от сугубо фабричной борьбы к широкомасштабным политическим акциям. Спустя год бригадисты начали практиковать первые *gambizzazioni*: специфический род наказания, заключающийся в простреливании ног жертвам. КБ очень быстро расширили спектр операций, направив свои акции на «военно-политическую дезартикуляцию государственных структур». Атакам подверглись журналисты (в Генуе, Милане и Риме), а также агенты пенитенциарной системы. Рост масштаба акций, как мы уже сказали, был обеспечен возросшей централизацией военно-политического аппарата, появлением органов национального уровня (таких, как «Исполнительный

комитет» и «Стратегическое управление»). Среди них важную роль играл «Логистический фронт» (Il Fronte logistico nazionale), обеспечивавший различные городские отделения КБ (т. н. «колонны») оружием, деньгами, убежищами, боевой подготовкой товарищей. К 1977 году процесс реорганизации бригад в национальную подпольную структуру был, в целом, завершён. Наконец, 1978 год был ознаменован переходом к удару «в самое сердце государства»: похищение и казнь премьер-министра Альдо Моро. Будучи пиком успехов бригадистов, эта акция в то же время стала началом конца движения. Уже в следующем году они перешли к запугиванию профсоюзных лидеров и активистов. Все эти последовательно сменявшие друг друга фазы, тем не менее, не возымели необходимого успеха и серьёзных последствий; государственный репрессивный аппарат и подконтрольные ему буржуазные медиа оперативно реагировали на действия бригадистов, сводя на нет их объективные успехи. Чем закончилась их история, мы знаем.

ЧТО ЖЕ ЧИТАЛИ БРИГАДИСТЫ? ЖУРНАЛИСТ ИНДРО МОНТАНЕЛЛИ ПИСАЛ, ЧТО В ГОЛОВАХ У МНОГИХ БЫЛА ГРЕМУЧАЯ СМЕСЬ ИЗ МАРКСА И МАРКУЗЕ, ХО ШИ МИНА И ЧЕ ГЕВАРЫ, МАО И «ОПЕРАИЗМА»...

Мы подробно раскрыли этот момент в первом, полубиографическом очерке, посвящённом Просперо Галлилари. Об этом впоследствии говорил и Марио Моретти. Немного от маоизма, немного от ленинизма, немного от троцкизма,

немного от геваризма и анархо-синдикализма, но, в строгом смысле, можно согласиться с Моретти в том, что они не были ничем из перечисленных «-измов». Моретти признавался, что идейная твёрдость никогда не была заметным качеством «Красных бригад». Передовая марксистская мысль, в целом, заметно уступала в их головах другим левацким текстам. В то время зачитывались Брехтом, Мао, Коллонтай, работами Армана Маттелара, бельгийского левого социолога, писавшего о массовой культуре и медиа в эпоху империализма. Был ещё Шарль Беттельхейм, участник экономических дебатов на Кубе, ставший знаменитым после публикации работы о классовой борьбе в СССР. Тем не менее, этот круг чтения не позволил сформироваться целостному диалектическому мировоззрению и ясному стратегическому плану действий. Леворадикальная среда Италии того времени не выдвинула ни одного заметного марксистского теоретика, несмотря на обилие всевозможных «левых интеллектуалов». Справедливости ради, лично мне очень сложно представить себе «правого интеллектуала». Это звучит как оксюморон, подобно «квадратному шару» или «горячему снегу». Абсолютно верно это было и для Италии. Практически все интеллектуалы, за редкими исключениями, встали на сторону левых радикалов. Но среди них не оказалось ни одного видного марксиста. Тони Негри не в счёт, разбору его теорий мы еще уделим время в дальнейшем.

Почему так случилось? Новое поколение радикально порвало как с официозной примитивизированной версией марксизма сталинско-ждановской эпохи, так и «еврокоммунистическим» реформизмом Тольятти и прочих руководителей КПИ. Касалось это и партийных интеллектуалов. Исследователь русского марксизма Гуидо Карпи в таких словах описывает интеллектуальную подноготную видного теоретика КПИ Эмилио Серени (1907-1977):

«...И несмотря на это, кажется очевидным, что именно марксизм ждановского толка является несущим звеном всех рассуждений итальянского теоретика: именно у Жданова — особенно из его выступления в первом номере «Вопросов философии» 1946 года — Серени заимствует концепцию диалектического материализма как средства познания и в то же самое время инструмента глубинной антропологической революции, открыто сравниваемой с распространением христианства. Если Тольятти и другие партийные деятели, ответственные за культурную политику, никогда не отождествляли советскую модель с универсальной антропологической парадигмой, то Серени в подобных случаях не колебался и шёл дальше своих коллег по партии. Стержнем такого тотального фидеизма является сталинская и ждановская концепция диалектического материализма как высшего принципа, регулирующего человеческие опыт и деятельность, который легитимирует вмешательство ортодоксального лидера во все области знания: отсюда проистекает апологетическое отношение Серени к лингвистическим занятиям Сталина, научным экспериментам Лысенко, историографии, закреплённой в „Кратком курсе истории ВКП(б)“, и, естественно, к соцреализму в искусстве и литературе».

Может, Карпи в свойственной ему манере и перегибает палку (на что он имеет право), но после этих слов понятно, почему новому поколению молодых радикалов было нечего «ловить» среди «добропорядочных» коммунистов и социалистов старой закалки. Даже у классового врага можно было поучиться большему, чем у партийных догматиков и ревизионистов.

Кстати, не все противники левых подпольщиков это в полной мере понимали. Россана Россанда, известная журналистка, в своей статье 1978 года, напротив, подчеркнула, что сталинские и ждановские коммунисты 1950-х годов быстро найдут знакомый для себя язык в листовках и коммюнике бригадистов. «Родословную» (или, пользуясь её словами, «*семейный альбом*») БР она возвела прямо к КПИ. Конечно, кроме множества глупых инвектив, играющих на руку буржуазии, она, к сожалению, подчеркнула и нечто существенное: упрощённую, манихейскую картину мира («социализм» и «империализм»), господствующую в умах бригадистов. У них, к сожалению, не было минимального представления о практике социалистического строительства, трудностях «переходного периода» после взятия власти... Спустя несколько дней после выхода статьи Россанды орган КПИ «Унита» опроверг эту инвективу, желая всеми силами «отмыться» от радикальных форм борьбы нового поколения коммунистов.

**НЕПОНЯТНО ТОЛЬКО, КТО БУДЕТ ОТМЫВАТЬ
КРОВЬ С ПЕРРОНОВ, РЕЛЬСОВ И УЛИЧНОЙ
БРУСЧАТКИ ПОСЛЕ ФАШИСТСКИХ БОМБ...
ТОЛЪЯТТИ? ПОДНИМИ ЕГО ИЗ МОГИЛЫ, ОН
ПОЧТИ НАВЕРНЯКА ПРИКАЖЕТ «НИКОМУ НЕ
ДВИГАТЬСЯ!».**

Истоки итальянского коммунистического подполья. Часть
вторая

Нашли ошибку? Выделите фрагмент текста и нажмите Ctrl+Enter.